

проницая весь мир своей силой и направляя его своею любовью, она открывает духу сокровенный смысл вещей, устройство Вселенной и свойства элементов (стихий). Когда она объясняет мир мысли благоразумного, она открывает ему также и смысл истории, начало, середину и конец времен. Создательница и устроительница всех вещей, Мудрость Божия, одна только и может их объяснить. И здесь никакая истина не выражается в терминах, выведенных человеческим разумом: мир и сама Мудрость суть лишь творения и дары Бога.

Это — главный момент, забвение которого — постоянный источник заблуждений. Он должен остаться нашим правилом толкования и в случае на первый взгляд более сложном, каковым является начало Евангелия от Иоанна. Действительно, в нем появляется целый ряд терминов и понятий, созвучие которых с философскими терминами и понятиями невозможно отрицать. И в первую очередь — это понятие Логоса, или Слова. Вначале было Слово; оно было у Бога; все было сотворено Им; в Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. Это греческое понятие Логоса имеет явно философское происхождение, в основном связанное со стоицизмом, и впервые его употребил уже Филон Александрийский (ум. ок. 40). Но какую роль играет оно в четвертом Евангелии? Можно допустить, как это часто и делалось, что понятие греческой философии замещает здесь христианского Бога, навязывая тем самым христианской мысли то первоначальное отклонение, которое она

Введение 10

никогда не сможет преодолеть. Значит, настал решающий момент: эллинизм и христианство вступили в контакт. Которое из двух этих начал поглотит другое?

Предположим, что эллинизм победил. Тогда мы оказались бы свидетелями события действительно чрезвычайной важности: философия Логоса, объясняющая создание мира действием этой высшей умопостигаемой силы и, возможно, видящая в ней залог освобождения и спасения, сталкивается с еврейской религиозной сектой, которая проповедует идею пришествия Мессии, принимает этого Мессию, а значит, и воплощение Слова. Операцию этого рода и проделали гностики, но именно поэтому христианская религия так решительно откажется от всякого смешения с ними. Будь такое возможным, это бы и произошло, но в Евангелии от Иоанна произошло совсем не это. Произошло прямо противоположное. Исходя из конкретной личности Иисуса, объекта христианской веры, Иоанн обращается к философам, чтобы сказать им: то, что они называют Логосом, — это Он; что Логос стал плотью и обитал с нами, — и мы видели Его (Ин. 1:14), хотя это и непереносимое оскорбление для душ, которые ищут чисто спекулятивного объяснения мира. Утверждение, что именно Христос и есть Логос, — не философское, а религиозное. Это прекрасно выразил Э.Пюш: «Насколько я знаю, все заимствования христианства из эллинизма сводятся скорее к заимствованию понятия, которое может служить для философской интерпретации веры, а не является составным элементом этой веры».

Тот факт, что христианская религия со времен четвертого Евангелия усвоила столь важное философское понятие, сам по себе не является решающим событием. Но тем самым — и это гораздо важнее — само христианское Откровение не только сделало правомерным предшествующий характер всех теологических и философских умозрений, но навязало именно такое их усвоение. Вот почему теологические и философские спекуляции неизбежно свелись к этой проблеме. Утверждать, что под именем Логоса Христос — Бог, что все было создано Им и в Нем, что Он есть жизнь и свет человеков, — это помимо теологии Слова значило с самого начала обратиться к метафизике божественных идей и нозе* озарения.